

Венгерские народные сказки

Чёрное урочище

Жил однажды король с тремя сыновьями. Король этот всю свою жизнь только и делал, что охотился, ни о чем другом знать не желал. И сыновей с малых лет к охоте приучал, всегда и всюду с собой брал; королевичи каждый уголок в его угодьях охотничьих знали, все снежки, все урочища облазили. Только в одно заповедное место отец ни за что их пускать не хотел.

Называлось оно Черное урочище, далеко в горах пряталось. Молодым королевичам любопытно – что за Черное урочище, какое оно? Да только напрасно сыновья просили отца, уговаривали – запретил он им в том угодье охотиться.

Но время шло, летело, помер старый король. Сыновья схоронили его честь по чести, потом стали совет держать, что дальше-то делать. И решили, не мешкая, на Черное урочище податься: не терпелось им поглядеть, что это за невидаль такая, отчего покойный отец строго-настрого запрещал им всегда в тех краях охотиться.

Ну, взобрались братья на Черное урочище, огляделись – все вроде бы спокойно, – стали дичь искать. Ходили, бродили, в засаде стояли не шелохнувшись, только глазами по сторонам водили, а все без толку – хоть бы пугалицу какую увидели! Старший брат и говорит:

– Вот что, братья, пустое это дело втроем ходить, давайте поделимся, в разные стороны разбредемся. Да вон, глядите, три тропы в лес бегут, по ним и пойдем. Поглядим, кого куда они заведут.

Согласились братья. А я вот что еще чуть не забыл: условились они попусту не стрелять, потому что кто б из троих ни выстрелил, остальные должны к нему поспешить. Но уж ежели кто зазря братьев пробежаться заставит – пусть на себя пеняет: быть ему биту.

Ну, сговорились обо всем и расстались. Каждый своей дорогой пошел. Только не успел младший из братьев, Дюрка, отойти в лес подальше, как увидел высоко в небе черного-пречерного ворона, а в клюве у ворона что-то сверкает.

– Все ж я этого ворона стрельну, – говорит себе Дюрка, – как знать, может, в клюве у него что-нибудь драгоценное и братья еще поблагодарят меня.

Выхватил он из колчана стрелу, прицелился да и выстрелил. Ворон камнем на землю упал. Дюрка к нему поспешил, смотрит, а у ворона в клюве стали кусочек – огниво. А братья меж тем услышали, как стрела просвистела, к младшему бросились, кричат еще издали:

– Кого застрелил? Эй, Дюрка, хороша дичина?

А Дюрка и слово сказать боится. Увидели братья ворона, рассердились, крепкими тумаками младшего своего поучили.

– Чтоб на такую-то дрянь да стрелу не пожалеть! Эх ты, дурачина! Громко бранясь, вернулись старшие братья на свои тропы, а Дюрка подумал-подумал, стальной обломок подобрал, в карман положил. Оно, конечно, вещица бесполезная, но ведь кто знает, вдруг пригодится.

Пошел Дюрка дальше. Видит – на высокой скале сокол сидит.

«Ну, – думает, – сокол – птица красивая. Стрельну-ка ее!» Прицелился вроде бы хорошо, да вот беда – не попал: вместо сокола с вершины скалы камень сорвался, вниз упал. Подбежал Дюрка, поглядел, а это кремь оказался. Он и кремь в карман положил: может, думает, еще пригодится. Все бы хорошо, да тут братья притопали, запыхались бежавши, а как узнали, что младший из-за кремня стрелу упустил, отвалтузили его почем зря.

Отдышались старшие братья, на свои дорожки вернулись.

А Дюрке уже белый свет не мил, слезы льются из глаз. Идет он, по сторонам не смотрит, от птиц отворачивается – пусть себе летают, чирикают, каркают. Вдруг в дерево большое чуть не уперся, а на стволе белка застыла. Замер и Дюрка: стрельнуть? не стрельнуть? Братья стоящим выстрел сочтут или опять ругать-колотить станут? Стрельнул все-таки, да промазал: вместо белки кусок

трута на землю упал.

«Ох и впрямь невелика добыча, но не оставлять же,— подумал Дюрка.— Может, еще пригодится». Поднял он трут, а тут и братья бегут к нему. Увидели трут и со зла таких оплеух надавали Дюрке, что у того искры из глаз посыпались.

Тем временем начало смеркаться, и решили братья, что дальше все вместе пойдут.

— Рано еще тебе одному по лесу ходить,— сказал старший брат Дюрке,— эдак ты все свои стрелы понапрасну упустишь.

Вот бредут они по лесу втроем и видят вдруг, косуля бежит, да прямо через их тропу скачет, чуть ли не рядом с ними перемахнула. Все трое в нее по стреле выпустили, все трое попали. Подняли, с собой понесли — ужин получится знатный!

Еще немного прошли, на зеленый луг вышли. А луг этот как раз посередке Черного урочища раскинулся, и посреди луга родничок бил, возле него медная колода стояла. Братья освежевали косулю, мясо в колоде вымыли, а дальше-то что? Сырым ведь мясо есть не станешь! И топлива вокруг хватало, да только огонь развести нечем — второпях позабыли братья из дому взять кремень, трут да огниво.

— Видите,— сказал Дюрка старшим братьям,— а вы-то меня чуть до смерти не убили за то, что добыл я огниво, кремень и трут. Вот не стану огонь высекать, пока вам вдвое оплеух не отсчитаю. А братья с голодухи на все согласны: вдвое так вдвое, лишь бы костер поскорей развести. Да только у Дюрки сердце доброе было, отходчивое, не захотел он с братьями оплеухами да тумаклами считаться; медлить не стал, вынул огниво, кремень и трут из кармана, и скоро запылал костер чуть не до неба.

Братья насадили косулю на вертел, стали над огнем поворачивать. Немного времени прошло, косуля прожарилась, накинулись охотники на мясо, оглянуться не успели — только кости да шкура остались.

Поужинав, улеглись братья отдыхать вокруг костра, только старший не лег.

— Вы спите спокойно,— сказал,— а я все ж посторожу до утра, чтоб беды какой не случилось.

Это он правильно надумал, потому как только-только заснули братья, прилетел трехглавый дракон и напрямик к медной колоде направился. Идет, тремя головами во все стороны крутит, из трех пастей огонь пышет. Увидел старшего королевича, так и кинулся — вот сейчас сожрет.

— Ну, помогайте, святые силы! — воскликнул королевич и выхватил меч.

Вжик, вжик, вжик — трех голов драконьих как не бывало.

Да, я вам чуть сказать не забыл: этот трехглавый дракон обитал вместе с другими двумя, пятиглавым и семиглавым, в бездонном озере, что по ту сторону Черного города — был там, немного подальше, город такой. По ночам драконы по очереди на Черное урочище летали — к роднику, значит, — и, напившись вдоволь чистой водицы, возвращались назад, в свое бездонное озеро. Потому-то и люди, и звери в этих местах появляться остерегались, знали: кто забредет ненароком, того драконы мигом сожрут.

Ну так вот, убил старший королевич дракона трехглавого. Кровищи натекло невесть сколько, весь костер залило, хорошо, хоть одна головешка еще горела. К утру опять у братьев пылал большой костер. Разбрелись они по Черному урочищу кто куда, целый день дичь искали.

Вечером собрались у костра, двое спать легли, а средний брат караулить стал. И хорошо сделал: явился за полночь пятиглавый дракон на поляну. Да только на свою погибель прилетел, нечистая сила: средний-то брат тоже был парень не промах, снес он мечом все пять голов — не стало дракона. Крови натекло еще больше вчерашнего, совсем костер залило, единственная искорка осталась, да и та вот-вот погаснет. Но не дали братья огню пропасть, утром такой костер развели — любо-дорого смотреть!

На третью ночь пришел Дюрке черед сторожить. Старшие братья, спать укладываясь, наказали ему тотчас их растолкать, как только дракона увидит, – чуяли, что и этой ночью третий дракон непременно заявится.

– Гляди же, брат, разбуди нас, не то быть беде.

– Ладно, ладно, разбужу, спите пока, – сказал им младший их братец.

Только те двое уснули, летит к роднику семиглавый дракон, огнем изо всех семи пастей так и пышет.

– А ну, подходи, – крикнул ему Дюрка, – тебя мне и надо!

Ух, какая тут началась схватка! Долго они бились, да так, что земля гудела, но младший королевич все же не стал братьев будить. Сам, один на один, с семиглавым драконом справился. Кровь страшилища злобного весь луг залила, погас костер, ни искорки не осталось.

«Что ж теперь делать? – думает Дюрка. – Огниво-то при мне, а кремень потерялся – как же огонь добыть? Без костра от холода пропадем».

Надумал королевич на высокое дерево влезть – может, сверху где-нибудь огонь увидит? Так и сделал. Взобрался на дерево, встал на самую верхнюю ветку, огляделся. Долго смотрел и на север, и на восток, и на юг, и на запад, нигде ни огонька не увидел. Но потом разглядел все же: далеко-далеко, может в трех днях пути, на поляне посреди леса густого вроде бы что-то светится, то слабее, то ярче. Как быть? Туда ведь и к утру не дойдешь, а надо еще обратно поспеть вернуться! Но костер там, видать, огромный, если отсюда, с Черного урочища, видно.

Решил Дюрка все же пойти да огонь раздобыть – иначе как утром братьям в глаза смотреть?

Отправился он в путь дальний, а на душе кошки скребут: никак ему не поспеть до утра обернуться, братья проснутся, что подумают?

Не так уж много Дюрка прошел, а навстречу ему уж Полночь шагает. Он ей поклонился почтительно:

– Доброго вечера вам, тетушка Полночь. Куда путь держите, не в обиду будь спрошено?

– Какая ж в этом обида, сынок? Иду я напрямиком на Черное урочище, как раз его час настает.

– Милая, добрая тетушка Полночь, повремените немного, не ходите туда, покуда я не вернусь, – взмолился Дюрка.

Полночь так и зашлась от смеха:

– Ну, сынок, я уж стара, сама не ведаю, сколько годов землю топчу, а такого у меня никто еще не просил!

– И все ж таки вы отсюда шагу не сделаете! – закричал королевич отчаянным голосом, кинулся к молодому деревцу, тонкое длинное лыко содрал, прикрутил Полночь к толстому буку, как ремнем. Полночь рассердилась, конечно, брыкается, змеей извивается, а освободиться не может.

Повеселел Дюрка, дальше поспешил. Но и на выстрел не успел отойти, глядь – навстречу уже Рассвет движется.

Стал Дюрка просить Рассвет задержаться хоть сколько-нибудь, а по правде если, так до тех пор, пока он назад с огнем не вернется. Не внял Рассвет его слезной мольбе, только смеялся до слез, от этого смеха все деревья вокруг шелестели.

– Ну, коли так, – Дюрка ему говорит, – тогда уж я возьмусь за тебя по-другому, будешь и ты впредь добрее.

Привязал он Рассвет к дереву-великану, да так крепко, что тот и пошевелиться не мог.

А Дюрка еще веселей своей дорогой пошел, не боялся теперь, что опоздает, не вернется к рассвету; шагал он споро, прошагал много, а время все на месте стоит! Добрался наконец Дюрка до того самого леса, где костер полыхал.

Вот это был костер так костер! Посреди чащобы лесной на широкой поляне стояли стожком

высоченные, срубленные под корень деревья, с двухэтажный дом каждое, а подожгли их с четырех сторон, с четырех концов сразу, так что пламя до неба взвилось – вот какую «искорку» Дюрка из Черного урочища видел!

Словом, огня-жару хватало, подходи да бери сколько надо, но Дюрка все ж огляделся сперва – и что же он видит? Сидят вокруг костра разбойники, ровнехонько две дюжины, и спорят о чем-то, только что не дерутся.

«Как же исхитриться да к костру подойти? – думает Дюрка.– Ведь если злодеи заметят меня, убьют и не перекрестятся». И вот что он надумал: достал из колчана стрелу, насадил на древко трут и пустил стрелу так, чтоб она над самым костром пролетела, никого не задела, а трут загорелся; упала стрела в лесу, Дюрка костер стороной обежал и стрелу с горящим трупом поднял. Да только напрасно он таился, на цыпочках меж деревьев пробирался – зашуршала под ногою сухая листва, вскочили разбойники как ужаленные, схватили королевича. А надобно вам сказать, что все они в лицо его знали, потому как родом были из его королевства.

– Ага, попался! На вертел его!

– Чего там, прямо в огонь бросай!

– Тихо! – крикнул тут главарь шайки.– Не станем мы ни в огонь бросать его, ни на вертел насаживать, он нам еще живьем пригодится. Всем вам известно, отчего никак мы не можем в Черный город войти, в королевский замок пробиться! Оттого, что на крепостной башне железный петух, нас завидя, всякий раз кукарекает громко и солдаты сбегаются на зов его. А парень этот стрелок каких мало. Так что пусть поживет, а как в Черный город придем, он того железного петуха и собьет. И мы все королевские сокровища унесем. А младшую королевну, красавицу редкую, с собой уведем.

Разбойникам по нраву пришлось слова главаря, не стали они королевича жизни лишать. Тут же и в путь собрались. Пришли к Черному городу, затаились в лесу, а Дюрку вперед выслали, чтобы сбил с башни грозного петуха. Дюрка спорить не стал, к самой крепостной стене подошел, натянул лук, прицелился – сбил железного петуха.

Тут и разбойники осмелели, к крепостной стене кинулись, дали веревку Дюрке и наверх подтянули. Приказали веревку через выступ стены перекинуть, их всех, одного за одним, наверх подтянуть и по ту сторону стены опустить. А уж там они разгуляются!

"Ладно, ладно,– думает Дюрка,– опустить-то вас я сумею!" Стал он разбойников по одному подымать и в крепость спускать, только, прежде чем опустить, голову рубил каждому. Когда и двадцать четвертого прикончил, решил назад подаваться. «Больше,– говорит себе,– в этой крепости делать мне нечего, да и пора уж к братьям спешить». Но одолело Дюрку любопытство. Спрыгнул он со стены, перебежал через двор королевский – и во дворец. Сунул голову в первый покой, а там король почивает, во второй заглянул – королева спит, вошел в третью спальню – трех королевских дочек увидел. Спят королевны, в головах у каждой свечка горит. Дюрка свечки те им в ноги поставил. Две старшие королевны ничего не услышали, спали себе сладко, как раньше, а младшая ка-ак вскинется, Дюрку увидела, закричала:

– Кто ты? Кто ты? Зачем явился?

– Не бойся меня, прекрасная королевна,– сказал Дюрка,– я тебя не обижу.

И рассказал он ей по порядку, кто он да что он, как к разбойникам попал и как во дворце очутился.

Сперва дрожала королевна от страха как осиновый лист, но потом успокоилась. Отвела она королевича в соседнюю комнату, угостила на славу. А когда он поужинал, подарила ему платочек да кольцо в знак обручения. Экой ведь я, чуть не забыл вам сказать: королевне Дюрка страх как понравился, а Дюрке – королевна.

Ох, как не хотелось Дюрке с королевною расставаться, хотя б и ненадолго, да что поделаешь – надо было к братьям спешить, пока без огня не замерзли. Попрощался он со своей нареченной, клятву дал обернуться быстро – одна нога здесь, другая там – и тут же свадьбу сыграть. Побежал к той стене, где веревка осталась, собрался уж перелезть, а потом подумал и на всякий случай кончик носа у каждого разбойника срезал.

Из крепости выбравшись, полетел Дюрка через лес как на крыльях, у костра разбойничьего и не остановился, на бегу головешку выхватил, так и бежал без роздыха до самого Черного урочища. По дороге Рассвет развязал, потом Полночь, счастливого пути пожелал обоим. Они, освободясь от пут, тоже бегом припустились, опрометью помчались, так что пока Дюрка до братьев своих добежал, там уж и Полночь давно проскочила, и Рассвет тоже.

Старшие братья Дюркины спали как убитые, а к тому времени, как проснулись они, костер уже разгорелся. То-то они глаза пораскрывали, рты поразевали, когда рассказал им Дюрка про свои похождения, где и как ночь провел. Вот уж ночь так ночь! За это время все три ночи прошло! Да, чуть было не запамятовал: надобно вам знать, что жил в Черном городе витязь один, злобный да завидуший, а волосы у него были рыжие, прямо огненные. Его так и звали все – Рыжий Витязь. Утром стал Рыжий Витязь вдоль крепостной стены прогуливаться и оказался в том месте, куда обезглавленные разбойники свалились. Он этих разбойников сразу узнал, а уж сообразить, зачем они во дворец пробирались, дело было не хитрое. Не долго думая, выхватил Рыжий Витязь свой меч, отсек им носы, всем двадцати четверем, и гордо понес королю: вот, мол, глядите, кто вас от разбойников избавил!

Обрадовался старый король: ведь сколько ночей он без сна скоротал, боялся, как бы разбойники младшую королевну не взяли в полон да казну его всю не уволокли, все сокровища-драгоценности.

– Ну, Рыжий Витязь, великий подвиг ты совершил, но и я у тебя в долгу не останусь, – сказал король самозванцу. – Три дочери у меня, выбирай себе в жены любую, а в приданое треть моего государства получишь.

разбойничьих показал – недаром он тогда их отрезал да с собой прихватил, теперь-то они ему пригодились.

– Так вот кто настоящий герой-спаситель! – закричали люди.

Увидел король, на чьей стороне правда, приказал рыжего обманщика к хвосту лошади привязать и по всей улице городской проволочь. А трех своих дочерей трем королевичам отдал, тут же все три свадьбы сыграли.

Уж вы мне поверьте, не бывало свадьбы такой и не будет, хоть семь хуторов обойди да еще и окрест погляди. Дюрка с младшею королевной в Черном городе жить остались, а братья его повезли своих жен домой к себе. Так и живут с тех пор, коли не померли.